

— Моя семья тоже уже знает.

Чжао Ифэй и Сюй Жуйцзе многозначительно переглянулись, затем опустили головы и замолчали.

Когда Сюй Жуйцзе поехал на велосипеде, Чжао Ифэй сделал несколько быстрых шагов, подпрыгнул и уселся на багажник.

— Уселся? — Чжао Ифэй был очень лёгким, настолько, что Сюй Жуйцзе почти не почувствовал веса, и невольно переспросил.

— Уселся.

Чжао Ифэй никогда не носил домой школьный рюкзак, потому что он практически не делал домашние задания. Иногда он успевал сделать их ещё в школе, иногда списывал у соседа по парте, совершенно не заботясь о правильности.

Сюй Жуйцзе тоже редко носил рюкзак, а складывал задания в полиэтиленовый пакет или картонную коробку и клал в металлическую корзину спереди велосипеда.

— У вас в классе задают совсем мало, да? Уже полмесяца, а я ни разу не видел, чтобы ты нёс рюкзак.

— Задают много. Я просто делаю всё в школе, — Чжао Ифэй ответил небрежно.

— Так быстро? — Сюй Жуйцзе не мог не удивиться.

Он кое-что слышал о Чжао Ифэе в школе: что у того плохая успеваемость, что он никогда не сдавал экзамены, что учителя его не любят. А как к нему относятся одноклассники — они же учились в разных классах — он не знал.

— Списываю, конечно, быстро, — Чжао Ифэй сказал прямо, считая, что нечего скрывать.

Он был таким — прямолинейным. Он знал, что Сюй Жуйцзе не станет смотреть на него свысока из-за этих слов. Проведя с Сюй Жуйцзе некоторое время, он понял, что тот тоже искренний парень, с хорошим характером и покладистым нравом, с ним легко общаться.

Если бы он действительно так думал, то сильно ошибался бы. В классе характер и оценки Сюй Жуйцзе были отличными, его любили и учителя, и одноклассники. Однако близких друзей у него было мало, можно сказать, почти не было.

В основном потому, что он не хотел раскрываться перед другими. Ему всегда казалось, что лучшие ученики в классе слишком любят выставлять себя напоказ, соревноваться, свысока смотреть на одних, злословить о других. Разве что Ли Цяньлань была ещё ничего, вела себя скромно и всегда держалась особняком.

Поэтому он не выносил манер таких людей и, хотя внешне казался общительным, на самом деле сохранял дистанцию: где надо — отказывал, где надо — сближался. Кроме как списать домашку, от него ничего не добиться. С кем надо — говорит по-человечески, с кем надо — по-волчьему, полностью владея ситуацией.

— Если после уроков будут задания, я дам тебе списать, — Сюй Жуйцзе не только не осудил поведение Чжао Ифэя, но и великодушно предложил ему вступить в сговор.

Чжао Ифэй улыбнулся, с радостью приняв предложение:

— Было бы здорово.

На самом деле, не каждый может быть по-настоящему принципиальным. Некоторые считают, что перед хорошим другом не следует покрывать плохие привычки, а нужно прямо критиковать и бить по рукам, читать нотации, объяснять, что списывание чужого труда — это плохо. Они думают, что так помогают, наставляют, проявляют заботу, и что это и есть поведение настоящего друга. Ведь если много списывать, появится зависимость, перестанешь думать головой, успеваемость не улучшится, а только ухудшится.

Однако такое поведение не каждый близкий друг может понять, особенно тот, у кого плохие оценки. Чаще это вызывает отторжение: думают, что просто не хотят дать списать, смотрят свысока. Чем больше нотаций, тем больше кажется, что человек выставляется, хвастается, становится противным. В конце концов, даже хорошие друзья со временем могут разойтись.

А некоторые друзья просто не придают этому значения: ты даёшь мне списать, я даю тебе — это нормальное проявление хороших отношений. Никого не покрываешь, ни на кого не смотришь свысока.

Чжао Ифэй и Сюй Жуйцзе относились ко второй категории. Поэтому они от знакомства перешли к общению, а затем стали хорошими друзьями. Главное — их характеры сошлись, они были не придирчивы к мелочам, и мыслили во многом одинаково.

— Мне правда нравится твой характер! Не то что некоторые, говорят, что давать другим списывать — это потакательство, что я им вредю. Я же не заставляю их списывать, пусть сами решают.

— Кто говорит?

— Заместительница старосты нашего класса, Ли Цяньлань, — Сюй Жуйцзе фыркнул.

— Судя по имени, это девушка. Раз она заместитель старосты, а ты кто? — Чжао Ифэй знал, что у Сюй Жуйцзе хорошие оценки, значит, в классе у него тоже должна быть какая-то должность.

— Я староста, должность выше её! — Сюй Жуйцзе ответил не без гордости.

Слово «староста» для Чжао Ифэя было как звёзды на небе: можно только смотреть, нельзя потрогать, недостижимо. Наверное, ему в этой жизни старостой не стать. Впрочем, он никогда об этом и не мечтал, это звание его не интересовало. Разве не сводится всё к тому, чтобы, получив пустяковую власть, помыкать другими одноклассниками?

И чем это отличается от того, как он сам обижал других?

Самая большая разница в том, что другие — отличники, а ты — двоечник. Другие не обижают, а воспитывают. Если учителя тебя презирают, одноклассники смотрят свысока — сам виноват. Кто велел тебе плохо учиться, не стараться и целыми днями бездельничать?

Возможно, он от природы не был склонен к учёбе. Стоило увидеть эти буквы, символы, формулы, как голова шла кругом, становилось дурно, какое уж тут настроение учиться.

Всю дорогу они ехали и болтали, говорили обо всём, например, о мечтах на будущее. Два

малыша, у которых ещё пух не обсох, а уже задумались о мечтах...

Однако до встречи с Чжао Ифэем мечтой Сюй Жуйцзе было поехать учиться за границу и стать выдающимся архитектором. Но после знакомства с Чжао Ифэем его мечта изменилась, стала простой: он хотел вместе с Чжао Ифэем учиться в средней школе, старшей школе, университете, причём не только в одной школе, но и в одном классе, а лучше всего — за одной партией. Если после университета они вместе найдут работу, будут снимать жильё, вместе ходить на работу и с работы — вот это было бы идеально. Что касается девушек, он об этом даже не думал — они же ещё дети, и то, что он смог так много надумать, уже хорошо.

Он так и сказал Чжао Ифэю:

— Сейчас моя самая большая мечта — стать с тобой друзьями на всю жизнь, быть вместе всегда, от начальной школы до университета — вместе, в одной школе, одном классе, даже за одной партией. А после выпуска — вместе искать работу, снимать жильё, ходить на работу.

Слушая эти слова, Чжао Ифэй почувствовал, как в груди поднимается тёплая волна. Только он не мог понять, почему Сюй Жуйцзе всё время хочет быть с ним вместе. Неужели его мечта действительно только в этом? Это же чистой воды одержимость.

— Насчёт того, что впереди... возможно, получится. А что до университета... мне и в старшую школу поступить будет трудно, а уж что дальше — и подавно... — Чжао Ифэй говорил сущую правду.

У него не было такой мечты. С кем быть — это ведь не он решает. Хотя, конечно, иметь рядом Сюй Жуйцзе было бы здорово.

— Я с тобой, не бойся. Если в будущем мы окажемся в одном классе, я буду тебя учить. Главное — чтобы ты хорошо занимался, хотел учиться, тогда обязательно всё получится! А о чём мечтаешь ты? — Ради своей мечты Сюй Жуйцзе был готов на всё.

— У меня нет мечты.

— Не верю. Ну скажи, я хочу послушать. У всех людей есть мечты, как у тебя может не быть! — Сюй Жуйцзе отказывался верить, подсознательно считая, что Чжао Ифэй просто не уверен в себе.

Из-за плохой успеваемости он даже боится озвучить свою сокровенную мечту.

— Я хочу стать певцом. — Чжао Ифэй помедлил, произнёс и покраснел.

<http://bllate.org/book/15580/1387338>